

В. И. ЛУКЬЯНЕНКО

Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности

Об элементарных детских учебниках, обслуживавших нужды русского просвещения в XVI—XVII вв., современным исследователям приходится судить по очень неполным данным, так как эти книги подвергались наиболее быстрому изнашиванию и бесследно исчезали из поля зрения следующих поколений. Тем больший научный интерес представляет недавно обнаруженное учебное пособие, напечатанное Иваном Федоровым в 1574 г. во Львове. Этот наиболее ранний среди всех дошедших до нас рукописных и старопечатных учебников русской грамоты долгое время не изучался, так как его единственный известный экземпляр (ныне хранящийся в США, в библиотеке Харвардского колледжа) до сравнительно недавнего времени составлял собственность частных зарубежных коллекционеров.¹ С 1954 г. советские исследователи располагают полной фото-репродукцией книги,² которая привлекла большое внимание нашей науки и общественности. За истекшие годы вокруг новооткрытого издания Ивана Федорова успела уже накопиться сравнительно большая литература.

В данном исследовании, построенном главным образом на текстологическом анализе, мы попытаемся выявить характер соотношения рассматриваемой книги с некоторыми рукописными и первопечатными памятниками, которые могли послужить для нее источниками. Попутно остановимся также на тех методических особенностях учебного пособия, которые еще не получили достаточного освещения в литературе.

Предыдущими исследователями был поднят вопрос о видовом названии рассматриваемого учебника, поскольку книга не имеет никакого заглавия. После недолгих колебаний, имевших место в советской литературе,³ за новооткрытым изданием Ивана Федорова закрепилось название букваря.⁴ Однако название это не совсем удачно. Как показывают послесловия и краткие заголовки, сопровождавшие старопечатные учебники русской гра-

¹ Судьба памятника освещена в статьях В. А. Джексона и В. С. Люблинского: W. A. Jackson. Appendix. — Harvard library bulletin. Cambridge, 1955, № 1 (далее: W. A. Jackson), стр. 40—42; В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры Львовский букварь 1574 г. — ИЮЛЯ, т. XIV, 1955, в. 5 (далее: В. С. Люблинский), стр. 461.

² А. А. Сидоров. Новооткрытое издание Ивана Федорова. — Полиграфическое производство. М., 1955, № 1, стр. 30; R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — Harvard library bulletin. Cambridge, 1955, № 1 (далее: R. Jakobson), фототипии pp. 1—79.

³ А. А. Сидоров. Первая печатная русская грамматика. — Славяне. М., 1954, № 12, стр. 21, 22.

⁴ В. С. Люблинский, стр. 160—168; П. С. Кузнецов. Букварь Ивана Федорова. — Вопросы языкознания, 1956, № 2, стр. 91—97.

моты, эти книги приблизительно до середины XVII в. коротко именовались азбуками. Правда, на первых страницах учебников грамоты, напечатанных после издания Ивана Федорова, как правило, выставлялись пространные витиеватые заголовки, сформулированные довольно разнообразно; например: «Начало учения детям, хотящим разумети писание...»,⁵ «Наука ку читаню и розуменю писма словенского...»⁶ и др. Но в тех случаях, когда такую книгу нужно было обозначить коротко одним словом, русские книжники XVI и первой половины XVII в. употребляли название «азбука». Так названы в издательском послесловии учебники грамоты, напечатанные Василием Бурцовым в Москве в 1634 и 1637 гг.⁷ Слово «азбука» выставлено на титульном листе учебного пособия, изданного в 1596 г. в Вильно вместе с часовником.⁸ Самые ранние русские учебники грамоты, названные букварями, представлены могилевским изданием 1636 г.⁹ и московским Букварем 1657 г.¹⁰ Можно проследить, как в XVII столетии, главным образом во второй его половине, слово «букварь» постепенно входило в употребление в качестве названия учебника русской грамоты, между тем как название «азбука», хотя бы имевшая вид азбучного акростиха, обычно употреблялось в нашей древней педагогике.¹¹

Азбука, изданная Иваном Федоровым в 1574 г., по-видимому, явилась первым в своем роде опытом московского печатника и, пожалуй, первым печатным учебником грамоты для восточных славян. Только такими обстоятельствами можно объяснить неуверенность Ивана Федорова в названии своей книги, а также его стремление придать этому небольшому элементарному учебнику как можно больше весомости путем заверений, что он писал «не от себе», и ссылок на общепризнанные авторитеты.¹² Вопреки трактовке, предложенной Р. Якобсоном,¹³ мы не находим в послесловии Азбуки конкретного указания на «Книгу осмочастную Иоанна Дамаскина», как и не видим в нем упоминания книги «Апостол», якобы непосредственно использованных составителем учебника. По древней русской традиции грамматические статьи анонимного происхождения чаще всего связывались с именем Иоанна Дамаскина, которому приписывался грамматический труд, будто бы переведенный впоследствии на славянский язык. Поэтому ссылка печатника на легендарного грамматиста, как и на творения «божественных апостол», означает лишь, что в первопечатную Азбуку входит «мало нечто», заимствованное из рукописных грамматических статей, а также какие-то церковные тексты.¹⁴ Аналогичные ссылки на традиционные авторитеты составляют типическую особенность нашей старинной литературы. Но такая тенденция характеризует Азбуку Ивана Федорова в значительно большей степени, чем другие его издания. Чрезмерное усердие, проявленное в данном отношении издателем Азбуки, может служить

⁵ J. D. A. Barnicot and J. S. G. Simmons. Some unrecorded early printed slavonic books in english libraries. — Oxford slavonic papers, 1951, v. II (далее: J. D. A. Barnicot), стр. 100.

⁶ И. П. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами с 1491 по 1652 г. СПб., 1883 (далее: И. П. Каратаев. Описание), стр. 272.

⁷ Там же, стр. 443—453.

⁸ J. D. A. Barnicot, стр. 102.

⁹ И. П. Каратаев. Описание, стр. 451.

¹⁰ И. П. Каратаев. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730. СПб., 1861, стр. 89.

¹¹ А. Н. Петров. К истории русского букваря. — Русская школа. СПб., 1894, № 4, стр. 11—17.

¹² R. Jakobson, фототипия р. 78.

¹³ Там же, стр. 16.

¹⁴ Такая точка зрения подтверждается анализом содержания учебника (см. стр. 213—214 настоящей статьи).

указанием на то, что изготовление элементарных детских учебников печатным способом воспринималось русскими людьми той эпохи как некое новшество, которое могло встретить и положительное и отрицательное отношение.

Выход первопечатной славянской Азбуки из типографии Ивана Федорова в 1574 г. приходится на тот период в жизни печатника, когда он пользовался поддержкой небогатого львовского мещанства,¹⁵ очевидно членов братских организаций, возглавлявших борьбу украинского народа против польско-католической агрессии в Юго-Западной Руси.¹⁶ По-видимому, издательский выбор Ивана Федорова в данном случае был обусловлен заботами львовских братств о постановке начального обучения в приходских училищах. Именно поэтому в послесловии Азбуки печатник обратился не к официальным властям, не к высокопоставленному покровителю, а к своему непосредственному заказчику — «христианьскому рускому народу греческого закона». Выражения «Сия, еже писах вам... аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примете сия с любовию, а я и о иных писаниих благоугодных с вожделием потрудитися хошу»¹⁷ как нельзя лучше подтверждают то предположение, что Азбука 1574 г. возникла по специальному заказу львовских братчиков, которым признательный печатник и впредь обещал служить своим трудом.

Изучение источников Азбуки Ивана Федорова затруднено тем обстоятельством, что сочинения педагогического и грамматического содержания, обслуживавшие нужды русского просвещения той эпохи, дошли до нас главным образом в списках конца XVI и XVII в.¹⁸ Часть этого материала была собрана и опубликована И. В. Ягичем,¹⁹ но до сих пор еще не явилась предметом специального исследования в области истории русского языка. Поэтому историку книги, занимающемуся сопоставлением наиболее ранней из известных русских азбук с отдельными статьями наших старинных рукописных сборников, приходится быть очень осторожным в своих окончательных заключениях. Тем не менее нельзя не отметить, что и содержание и построение анализируемого учебника представляет ряд наглядных аналогий по отношению к рукописным памятникам XVI—XVII вв.

Обучение грамоте по буквослагательному методу для русских школьников начиналось с твердого заучивания всех букв славянского алфавита. В «Книге Константина Философа», составленной южнославянским филологом первой половины XV в.,²⁰ известной также и в Русском государстве,²¹ в качестве первого учебного упражнения для обучения чтению рекомендован ряд из 38 букв, в начале которого в алфавитном порядке приведены все славянские буквы греческого происхождения, за ними в такой же последовательности — буквы, отличающие собственно славянское письмо. Выучив эту азбуку в прямом порядке, ученики по системе Константина Философа должны были усваивать ее в обратной последовательности.²² Ряд педагогических статей анонимного происхождения, сохранившихся в русских

¹⁵ См. послесловие Апостола, напечатанного Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. (далее Львовский Апостол), л. 272 об.

¹⁶ Е. Н. Медынский, Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954, стр. 18, 36.

¹⁷ R. Jakobson, фототипии pp. 78—79.

¹⁸ См., например, сборник XVI в. в ГБЛ, Фунд. собр. № 35, л. 234.

¹⁹ И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. — Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. I, 1885—1895 (далее: И. В. Ягич), стр. 289—1067.

²⁰ Там же, стр. 383—487.

²¹ Там же, стр. 554—555.

²² Там же, стр. 433.

списках XVI в., также донес до нас в качестве первых учебных упражнений прямой и обратный азбучные ряды, состоящие, однако, из 44—45 букв, представленных в обычной последовательности без учета происхождения букв.²³ Педагогические руководства конца XVI и XVII столетия рекомендуют для усвоения азбуки, кроме этих двух азбучных таблиц, еще два смешанных буквенных ряда,²⁴ в первом из которых смешанный порядок букв достигнут путем разбивки простого алфавитного ряда на девять вертикальных столбцов. На первых двух страницах Азбуки Ивана Федорова²⁵ приведены без изменений первый и второй из указанных нами азбучных рядов, а также третий смешанный ряд, хотя и отличающийся некоторыми своеобразными особенностями, но составленный по тому же методу. Последний, четвертый ряд отсутствует. Принятые здесь количество и порядок расположения букв серьезно отличаются от системы Константина Философа и очень близки к тем приемам, которые рекомендовали отмеченные нами рукописные источники XVI—XVII вв. Таким образом, нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, заключивших, что азбучные таблицы в учебнике Ивана Федорова составлены «по совету Константина Философа»,²⁶ ибо в результате сопоставлений очевидно, что в данном отношении Азбука Ивана Федорова следовала указаниям более поздних русских книжников.

Следующие пять страниц учебника (с 3-й по 7-ю)²⁷ посвящены слогам. В «Книге Константина Философа» на этот раздел «грамотного учения» нет никаких указаний. Но двухбуквенные сочетания согласных с гласными входят в состав учебных упражнений, написанных новгородским мальчиком Онфимом на рубеже XII—XIII вв.²⁸ В русских рукописных сборниках XVI в.²⁹ до нас дошли грамматические статьи, повторяющиеся также и в списках XVII в.,³⁰ содержащие подробно разработанную систему слогов, начиная от двухбуквенных — «двоик» — до сложных девятибуквенных сочетаний — «девятериц». Во всех просмотренных нами рукописях в качестве примеров «двоик» неизменно приводятся слоги: ба, ва, га, да, — а в качестве «троик»: бра, вра, гра — со словами «тако ж и прочая». В первопечатную Азбуку вошли именно эти двух- и трехбуквенные сочетания. После букв и слогов следуют упражнения в чтении целых слов (стр. 9—22)³¹ и слов, написанных сокращенно под знаком «титло» (стр. 23—44).³²

Таким образом, учебник включает цикл необходимых начальных упражнений, позволявших овладеть техникой чтения по буквослагательному методу. Однако нельзя согласиться с утверждением В. С. Люблинского,³³ что все задачи Азбуки Ивана Федорова сводились к этой единственной цели, ибо в качестве полных и сокращенных слов здесь приведен довольно разнообразный методический материал, при помощи которого школьники попутно с обучением чтению практическим путем могли усвоить

²³ См., например: Сборник XVI в. в ГИМ, собр. Синод. библ., № 491, л. 633; Азбуковник XVI в. в ГПБ, О.ХVI.1, л. 188.

²⁴ Сборник XVI в. в ГБЛ, Фунд. собр., № 35, л. 234; И. В. Ягич, стр. 679—680.

²⁵ R. Jakobson, фототипии pp. 1—2.

²⁶ Т. А. Быкова. Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников. — ИЮЛЯ, т. XIV, 1955, в. 5 (далее: Т. А. Быкова), стр. 471.

²⁷ R. Jakobson, фототипии pp. 3—7.

²⁸ М. Кислов. Археологические раскопки в Новгороде. — ВИ, 1955, № 2, стр. 177—178.

²⁹ Азбуковник XVI в. (ГПБ, О.ХVI.1, л. 189).

³⁰ ГБЛ, собр. Тихомирова, № 326, л. 10.

³¹ R. Jakobson, фототипии pp. 9—22.

³² Там же, фототипии pp. 23—44.

³³ В. С. Люблинский, стр. 464.

основные морфологические формы русского языка. Этот материал разделен на три раздела, содержание которых достаточно раскрыто в литературе.³⁴ Первый из них, озаглавленный «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикки» (стр. 9—19),³⁵ включает образцы спряжения глаголов действительного и страдательного залогов. Следующий раздел — «По прозодии, а еже дваши въединых лежащее, се есть повелительная и сказательная» (стр. 20—22)³⁶ — представляет материал для овладения системой надстрочных знаков «просодий», усвоение которых составляло необходимую часть «грамотного учения». Вошедшие в него глагольные формы одновременно демонстрируют различие между повелительным и изъявительным наклонениями: «носите — нóсите; обносите — обнóсите, просите — прóсите» и т. п. Третий раздел — «По ортографии» (стр. 23—44)³⁷ — посвящен сокращенным «подчительным» словам, заучиванию которых отводилось большое место в курсе обучения русской грамоте XV—XVI вв.³⁸ В Азбуке Ивана Федорова этот раздел составлен таким образом, что он дает представление о системе падежных окончаний существительных и прилагательных. Наряду с сокращенными словами в него вошли и несколько полных написаний существительных и прилагательных, таких, как «живот», «зло», «зиждитель», «людьск» и некоторых других,³⁹ приведенных единственно в качестве образцов склонения.

Во всех трех разделах материал расположен в алфавитном порядке, благодаря которому учащиеся попутно с прохождением нового должны были несколько раз повторить буквы. Эта особенность первопечатной Азбуки в свое время имела большое практическое значение, так как постоянное повторение пройденного являлось одним из необходимых условий буквослагательного метода обучения. Аналогичным практическим путем Азбука знакомила учащихся и с цифровой нумерацией. С этой целью первая часть учебника разделена на мелкие, последовательно пронумерованные параграфы.

Такая своеобразная подача материала, благодаря которой учащиеся попутно с техникой чтения приобретали практические навыки грамматики и счета, повторяли пройденное одновременно с усвоением нового, свидетельствует о гибкости и разнообразии методических приемов, практикуемых составителем Азбуки, но отнюдь не об ограниченности задач учебника, как это представлялось некоторым исследователям.⁴⁰ Приведенные здесь элементы грамматики достаточно обширны для того, чтобы дать начинающим школьникам первое представление об основных частях русской речи и тем самым серьезно облегчить учащимся дальнейшую часть «грамотного учения», включавшую специальные руководства по грамматике. Подбор этого материала для Азбуки Ивана Федорова нельзя признать «скудным» или «случайным»,⁴¹ если принять во внимание специфику тех рукописных руководств по грамматике, которые могли служить источниками для анализируемого учебника.⁴²

³⁴ Т. А. Быкова, стр. 469, 470.

³⁵ R. Jakobson, фототипии pp. 9—19.

³⁶ Там же, фототипии pp. 20—22.

³⁷ Там же, фототипии pp. 23—44.

³⁸ См., например, АИ, т. 1. СПб., 1841, стлб. 147.

³⁹ R. Jakobson, фототипии pp. 30, 33.

⁴⁰ В. С. Люблинский, стр. 464.

⁴¹ Там же, стр. 464.

⁴² Наиболее ранние из известных в настоящее время печатных грамматик для восточных славян относятся к 80—90 годам XVI в.

В зарубежной⁴³ и отечественной⁴⁴ литературе уже была отмечена связь, существующая между Азбукой Ивана Федорова и сводом грамматических статей, известных в настоящее время в списках конца XVI и XVII в. под общим заглавием «Книга глаголемая буквы...» (опубликована Ягичем).⁴⁵ Для нашего исследования, помимо публикаций Ягича, были использованы некоторые другие руководства по грамматике, сохранившиеся в списках XV—XVII вв., с которыми можно познакомиться в Государственной библиотеке СССР им. Ленина и в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Грамматические разделы из Азбуки Ивана Федорова на первый взгляд действительно более всего напоминают выдержки из «Книги глаголемой буквы...», особенно если рассматривать этот рукописный свод в том виде, как он представлен в публикации Ягича. В его составе могут быть отмечены отдельные статьи, иногда части статей, которые по своему содержанию, построению и даже заглавиям очень близки к трем рассматриваемым разделам Азбуки. Разделу «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии» в рукописи соответствует текст, озаглавленный «А се осмочастне от грамматикиа».⁴⁶ Следующая за этим заглавием таблица спряжения во всех частностях совпадает с глагольными формами, приведенными под буквой «б» в анализируемом разделе Азбуки. Но рукописный вариант ограничивается лишь одним примером глагола действительного залога, сразу же переходя затем к формам страдательного залога, которые составитель Азбуки поместил в самом конце раздела лишь после того, как исчерпал образцы спряжения действительного залога по алфавиту до буквы «щ» включительно. И нужно заметить, что ни одна из грамматических статей, известных нам в списках XVI—XVII вв., не включает такого обширного собрания разнообразных глаголов со всеми личными формами настоящего времени, систематически представленными в первопечатной Азбуке. Так, например, в «Книге осмочастной», приписываемой Иоанну Дамаскину, система личных глагольных окончаний представлена образцами спряжения двух глаголов: «творити» и «битися».⁴⁷ В русском переводе «Донатуса», включающем большее число примеров, все же приведено не более десяти глаголов.⁴⁸ В одном из рукописных сборников конца XVI в., хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. Ленина, до нас дошли обширные таблицы именных и вербальных форм русского языка, в числе которых между другими частями речи даны и глаголы почти на все буквы алфавита,⁴⁹ в отдельных случаях те же самые, что в Азбуке Ивана Федорова; но от каждого из них образованы только по две личных формы (2-е лицо единственного и 2-е лицо множественного числа). Такой полной схемы личных окончаний, как в анализируемом учебнике, здесь нет. Что же касается рассматриваемой выдержки из «Книги глаголемой буквы...», то по отношению к разделу первопечатной Азбуки этот рукописный отрывок представляет собой лишь два небольших фрагмента, составляющих начало и конец раздела «А сия азбука...». В рукописном контексте он также является небольшой вставкой, внесенной неизвестным компилятором в статью «Двогласное во еди-

⁴³ R. Jakobson, стр. 20—22.

⁴⁴ Т. А. Быкова, стр. 471.

⁴⁵ И. В. Ягич, стр. 730—743.

⁴⁶ Там же, стр. 739.

⁴⁷ Там же, стр. 333.

⁴⁸ Там же, стр. 854—873.

⁴⁹ ГБЛ, Фунд. собр., № 35, лл. 130—233.

ных лежащее...»,⁵⁰ остальное содержание которой совсем не соответствует характеру этой вставки, так как оно относится к области просодии.

Добавим к этому, что образцы спряжения глагола страдательного залога, помещенные в «Книге глаголемой буквы...» и Азбуке Ивана Федорова, точно в такой же форме приведены в «Книге осмочастной Иоанна Дамаскина»⁵¹ и в некоторых других более поздних грамматических руководствах,⁵² откуда, по-видимому, и почерпнул этот материал составитель Азбуки.

Раздел «По прозодии...» имеет полную аналогию в одноименной рукописной статье, опубликованной Ягичем между статьями «Книги глаголемой буквы...».⁵³ Но этот факт все же еще не позволяет заключить, что данная статья полностью без изменений была перенесена в Азбуку Ивана Федорова из рукописного источника. Прежде чем делать решительное заключение о характере связи, существующей между сопоставляемыми памятниками, нужно принять во внимание, что рассматриваемый текст «По прозодии...» представляет собой сокращенную переработку упомянутой выше статьи «Двогласное во единых лежащее...»,⁵⁴ к которой восходит основное содержание «По прозодии...», пополненное, однако же, и из других источников, помимо «Книги глаголемой буквы...».⁵⁵ В новой обработке материал приведен в более стройную систему. Из большого количества довольно разнообразных морфологических форм, составляющих содержание «Двогласное...», сюда были перенесены главным образом глаголы, демонстрирующие разницу между повелительным и изъявительным наклонениями. На каждую букву от «б» до «щ» систематически приведено по два слова, тогда как в статье «Двогласное...» материал распределен между отдельными буквами алфавита довольно неравномерно, так что на некоторые буквы, такие, как «е», «и», «і» («и» с точкой) и др., в ней не дано ни одного слова.⁵⁶ Из соотношения сопоставляемых рукописных текстов можно заключить, что статья «По прозодии...», тождественная одноименному разделу Азбуки, возникла в более позднее время, чем близкие к ней по содержанию статьи, объединенные в «Книге глаголемой буквы...». Такое заключение не находится в противоречии с палеографическими данными, которыми И. В. Ягич снабдил опубликованный им текст «По прозодии...». Единственный известный нам список этого текста был обнаружен И. В. Ягичем в сборнике, который может быть датирован первой половиной XVII в.⁵⁷ А так как обстоятельства происхождения статьи «По прозодии...» никому не известны, то вполне можно предположить, что она произошла в рукописный сборник из печатных источников, а не наоборот. Основой же для раздела первопечатной Азбуки, по-видимому, послужила более ранняя статья «Двогласное...», подвергнутая при этом серьезной обработке.

Последнему из грамматических разделов Азбуки, озаглавленному «По орфографии», в «Книге глаголемой буквы...» соответствует статья «Начало букв по орфографии», которая входит в разные списки этого рукопис-

⁵⁰ Начало этой статьи опубликовано И. В. Ягичем на стр. 738 указанного сочинения; продолжение ее, перебитое другими текстами (стр. 738—739), переходит на стр. 739, 740, 741.

⁵¹ И. В. Ягич, стр. 333, 339.

⁵² См. стр. 216 настоящей статьи.

⁵³ Несмотря на то что эта статья не входит ни в один из известных нам списков «Книги глаголемой буквы...» и была обнаружена Ягичем в несколько ином окружении.

⁵⁴ См. выше.

⁵⁵ О других источниках см. стр. 216—217 настоящей статьи.

⁵⁶ И. В. Ягич, стр. 739, 740.

⁵⁷ Там же, стр. 955.

ного свода в двух различающихся между собой вариантах. Один из них, более близкий к рассматриваемому разделу Азбуки,⁵⁸ тем не менее отличается от него (как уже было отмечено предыдущими исследователями)⁵⁹ меньшей полнотой приведенных здесь падежных форм существительных и прилагательных. Укажем еще некоторые различия между сопоставляемыми текстами. Как было отмечено выше, раздел «По ортографии» благодаря специальному подбору и расположению морфологических форм позволял учащимся одновременно с усвоением сокращенных слов получить представление о системе падежных окончаний русского языка. Рукописная статья «Начало букв...», отчасти построенная на том же материале, отличается другой целевой установкой. Здесь главное внимание обращено на отдельные падежные окончания, которые благодаря сходству в произношении, по-видимому, наиболее часто смешивались на письме. С целью предупреждения орфографических ошибок, допускаемых писцами, составитель статьи расположил такие близкие по звучанию формы парами: «аггели их — аггеле моем апостоли их — апостоле его»⁶⁰ и т. п. Другие падежные формы приводятся не во всех случаях и не в одинаковой последовательности. Статья гораздо шире, чем рассматриваемый раздел учебника, включает слова, никогда не писавшиеся под титулом. Но среди них отсутствуют те немногие полные написания, которые приведены в разделе «По ортографии».⁶¹

Отмеченные отличия рукописной статьи в значительно большей степени относятся к ее другому варианту,⁶² где «подтительные» слова занимают немного места по сравнению с другим материалом. Наряду с образцами сокращенных слов и падежных форм этот вариант включает также и примеры расстановки надстрочных знаков, предусматривая, таким образом, довольно разнообразные случаи правописания. Позволим себе заметить, что во втором варианте статья «Начало букв по ортографии» более оправдывает свое заглавие, так как больше напоминает собрание орфографических указаний, расположенных по буквам алфавита. В списках XVI—XVII вв. под различными заглавиями сохранились другие руководства этого вида,⁶³ объединяющие в своем составе наряду с «подтительными» словами и образцами падежных форм самые разнообразные примеры современного им правописания. Первый вариант анализируемой статьи, представляющий некоторый шаг в сторону систематизации и разработки морфологических форм, по всей вероятности, возник на базе дальнейшего, сравнительно позднего развития такого практического руководства по орфографии. Поскольку текст, имеющий большее сходство с сопоставляемым разделом Азбуки, дошел до нас в списках более поздних,⁶⁴ чем время появления печатного памятника, то не исключена возможность, что его формирование не обошлось без воздействия учебника, изданного Иваном Федоровым. В пользу последнего предположения свидетельствует одна небольшая особенность первого варианта статьи «Начало букв...», где с большей полнотой представлены падежные формы именно для тех слов, которые вошли в раздел «По ортографии» Азбуки Ивана Федорова, в то время как слова, составляющие отличие рукописной статьи от печатного

⁵⁸ Там же, стр. 732—736.

⁵⁹ Т. А. Быкова, стр. 471.

⁶⁰ И. В. Ягич, стр. 732.

⁶¹ См. стр. 212 настоящей статьи (эти слова входят в другие грамматические статьи XVI в. — см. стр. 216—217 настоящей статьи).

⁶² И. В. Ягич, стр. 737.

⁶³ См. стр. 216—217 настоящей статьи.

⁶⁴ Списки этой статьи, указанные И. В. Ягичем (стр. 743), относятся к XVII в.

текста, приведены в ней только в двух падежах. Но каково бы ни было происхождение варианта статьи, обнаружившего наибольшее сходство с анализируемым разделом Азбуки, слово «По орфографии», сохранившееся в заглавиях обоих памятников, свидетельствует о том, что оба они в конечном итоге восходят к элементарному грамматическому руководству, служившему главным образом задачам правописания.

В результате проделанных разысканий можно заключить, что содержание разделов Азбуки, включающих грамматические элементы, не восходит к какому-нибудь одному известному нам источнику. Частичное совпадение приведенных здесь морфологических форм с содержанием некоторых текстов, объединенных в составе «Книги глаголемой буквы...», еще не доказывает, что грамматические разделы учебника были заимствованы из этого свода статей, хотя такая точка зрения и имеет место в литературе.⁶⁵ Нам она представляется необоснованной прежде всего потому, что отдельные фрагменты «Книги...», обнаруживающие наибольшее сходство с разделами Азбуки, в окружающем рукописном контексте носят характер вставок и переработок, внесенных в состав этой сложной компиляции, по-видимому, в сравнительно позднее время. Такой же поздней переработкой является статья «По прозодии», тождественная одноименному разделу Азбуки. Более ранние редакции этих текстов, такие, как статья «Двогласное во единых...»⁶⁶ или ранний вариант статьи «Начало букв...»,⁶⁷ по отношению к анализируемому разделу учебника представляют очень сырой материал, который мог быть использован составителем Азбуки лишь при условии строгого отбора, систематизации и дальнейшей разработки морфологических форм.

Не подлежит сомнению и тот факт, что наряду со статьями, рассмотренными выше, составителем Азбуки были использованы и другие близкие к ним источники. В списках конца XVI в. можно указать еще несколько грамматических статей, построенных на аналогичном материале. Так, например, грамматическое руководство «Сила существу книжного писма»⁶⁸ включает в большом количестве существительные и прилагательные, приведенные в разделе «По орфографии» Азбуки Ивана Федорова, и среди них такие слова, как «зло» и «зиждитель», не вошедшие ни в одну из статей «Книги...». Эти же существительные даны в грамматических таблицах,⁶⁹ включающих разнообразные именные и вербальные формы, отчасти тождественные грамматическим примерам из первопечатной Азбуки. Слова «зло» и «зиждитель» донесла до нас статья «Речем же zde и о буквах...»,⁷⁰ опубликованная Ягичем. В качестве примера страдательного залога в нее вошли личные формы глагола «битися», приведенные в статье «Двогласное во единых...»⁷¹ и в Азбуке. С учебником Ивана Федорова рассматриваемую статью сближают и некоторые приведенные в ней примеры просодий (например: егда́, еда́),⁷² отсутствующие в «Книге...».

При условии недостаточной изученности рукописных памятников старинной русской филологии трудно делать решительные выводы о генетической связи Азбуки Ивана Федорова с отмеченными источниками. Но и при современном состоянии вопроса очевидно, что рассмотренные выше

⁶⁵ Т. А. Быкова, стр. 471.

⁶⁶ См. стр. 213—214 настоящей статьи.

⁶⁷ См. стр. 215 настоящей статьи.

⁶⁸ ГПБ, О.ХVI.1, л. 142.

⁶⁹ ГБЛ, Фунд. собр., № 35, лл. 130—233.

⁷⁰ И. В. Ягич, стр. 565—568.

⁷¹ См. стр. 214 настоящей статьи.

⁷² И. В. Ягич, стр. 565.

разделы учебника построены главным образом на том материале, который повторяется в составе довольно многочисленных статей грамматического и педагогического содержания, известных по спискам XVI—XVII вв. В первопечатную Азбуку вошли кратчайшие выдержки из основных разделов старинной русской грамматики. Как и в грамматических руководствах того времени, понятия о структуре языка даны на конкретных примерах морфологических форм, подобранных почти на все буквы алфавита. При обилии лексического материала основные именные и вербальные формы русского книжного языка представлены здесь в такой систематической полноте и порядке, которые не имеют места в статьях аналогичного содержания, известных нам по спискам XVI—XVII вв. Поэтому главные законы русского языка в разделах Азбуки выступают в более стройной и рельефной форме, чем в тех рукописных памятниках, с которыми можно в настоящее время сопоставлять первопечатный учебник. Благодаря специальному подбору и расположению материала грамматические разделы Азбуки одновременно выполняют функцию упражнений для обучения чтению. Специфические особенности старинных руководств по грамматике здесь умело подчинены методике буквослагательного способа обучения грамоте. Таковы первоначальные выводы, вытекающие из текстологического анализа первых разделов Азбуки.

Чтобы закончить обзор части учебника, объединяющей наиболее элементарные учебные упражнения, осталось рассмотреть толковую азбуку, или азбучный акростих, помещенный здесь (стр. 45—48)⁷³ в качестве первого связного текста для чтения. Такие произведения находили применение в процессе «грамотного учения» в самую отдаленную пору русского просвещения.⁷⁴ Но они дошли до нас главным образом в составе сборников церковного содержания в рукописях XV—XVI вв. Среди этих памятников нам, однако же, не удалось обнаружить ни одного произведения, которое могло бы послужить готовым образцом для толковой азбуки, напечатанной в учебнике Ивана Федорова. Тем не менее можно установить некоторые ее связи с предыдущей литературой. Р. Якобсоном⁷⁵ было отмечено сходство анализируемого произведения с толковой азбукой «Азь есмь богъ», опубликованной Ягичем по сербскому списку XIV в.⁷⁶ Еще теснее первопечатный акростих связан с толковой «Азбукой о Христе», известной по нескольким русским рукописям начиная от конца XIV—начала XV в. К этому раннему источнику восходит значительная часть предложений, составляющих первую половину рассматриваемого текста.

Ниже приведены выдержки из трех сопоставляемых памятников:

Первопечатный акростих	«Азбука о Христе»	Азбука «Азь есмь богъ»
Аз есмь всему миру свет	Азь есмь всему миру светвь	Азь есмь богъ
Бог есмь прежде всех век	Бог есми прежде всих век	Богъ бо есмь
Вижу всю тайну человеческую	Ведаю всю тайну в человеци	Ведь бо вьса
Глаголю же вам сыном человеческим	Глаголю вам законъ свой вы верыне ясте	Глаголу бо правду
Добро есть верующим в имя мое	Добро есть верующим во имя мое	Добро бо есмь

⁷³ Р. Jakobson, фототипии pp. 45—48.

⁷⁴ В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. — Труды Лен. гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской, 1958, т. 4 (далее: В. И. Лукьяненко). стр. 249—250.

⁷⁵ Р. Jakobson, стр. 22—23.

⁷⁶ И. В. Ягич, стр. 304.

Есть гнев мой на грешники Жизнь есмь всему миру	Есть гнев мой на грешник Живот дал есмь всей твари своей ⁷⁸	Есьмь бо Животь всему миру дахь
Зло законо преступником ⁷⁷	Зло бо будет законопре- ступником ⁷⁹	Зело дивна створихь ⁸⁰
Земля подножие ногам моим	Землю юже на водах ут- верди	Земля на водахь основахь
Иже есть престол мой на небесех	Иже престол мой на небесех	Иже вы скроз море прове- дохь
Како съвещаша на мя зол свѣт	Како свещастесе на мя свет зол	Кое вы зло створих
Людие мои законопреступ- нии	Людие мои неразумни	Людие безаконии
Мыслиша на мя злая за благая ⁸¹	Мыслите мя погубить ⁸²	Мыслью вса сътворихь ⁸³

Далее в первопечатный акростих вплетается тема «крестных страданий Христа», которая совершенно отсутствует в ранней редакции «Азбуки о Христе», а в азбуке «Азь есмь богъ» изложена в форме полемики с иудеями. Акростих, напечатанный Иваном Федоровым, свободный от полемической направленности, больше внимания уделяет событиям новозаветной истории, вносит в их описание ряд конкретных подробностей, не имевших места в древней южнославянской азбуке. С азбукой «Азь есмь богъ», известной также и в русских списках XV в., эту часть анализируемого текста сближают лишь два предложения к буквам «н» и «т».

Печатный акростих: «На кресте пропяша мя... Тернов венец възложиша на мя».⁸⁴

Азбука «Азь есмь богъ»: «На кресте мя пригвоздисте.⁸⁵ ... Трьновень венецъ на главу ми положисте».⁸⁶ И ниже последняя заключительная строка печатного акростиха, по-видимому, восходит к другой нашей ранней толковой азбуке — «Азбуке об Адаме», сохранившейся в русских списках XV в.

Печатный акростих: «Щедротами своего человеколюбия».⁸⁷ «Азбука об Адаме»: «Щедротами и человеколюбьем».⁸⁸ Заметим, что «Азбука об Адаме», по-видимому, относится к числу наших ранних азбучных акростихов учебного назначения.⁸⁹

Таким образом, можно заключить, что в акростихе, помещенном в учебнике Ивана Федорова, объединились отдельные фрагменты, взятые из нескольких толковых азбук, распространенных в русской литературе XIV—XV вв. Тем не менее значительная часть анализируемого текста не имеет близкой аналогии в других произведениях этого вида. Сюжеты новозаветной истории отражены здесь с известной живостью и конкретностью описания, выгодно отличающими строки печатного акростиха от стереотипных фраз, характерных для значительной части древних толковых азбук.

⁷⁷ R. Jakobson, фототипия pp. 45, 46.

⁷⁸ Беседы св. Григория Двоеслова (ГПБ, Q.I.1202, л. 367).

⁷⁹ ГПБ, Q.XVII.177, л. 420 (в раннем списке фраза для «зело» отсутствует).

⁸⁰ И. В. Ягич, стр. 304.

⁸¹ R. Jakobson, фототипия p. 46.

⁸² Беседы св. Григория Двоеслова (ГПБ, Q.I.1202, л. 367).

⁸³ И. В. Ягич, стр. 304.

⁸⁴ R. Jakobson, фототипия p. 47.

⁸⁵ И. В. Ягич, стр. 304; БАН, 13.3.21, л. 8.

⁸⁶ И. В. Ягич, стр. 304.

⁸⁷ R. Jakobson, фототипия p. 48.

⁸⁸ ГПБ, Q.I.1130, л. 295.

⁸⁹ В. И. Лукьяненко, стр. 251—252.

Первопечатный акростих, судя по его стилистическим особенностям, не мог служить первым пособием для усвоения букв, подобно нашим древним толковым азбукам.⁹⁰ В XVI в. эту функцию с успехом выполняли буквенные ряды, напечатанные Иваном Федоровым на первых страницах учебника.⁹¹ Поэтому в отличие от более ранних толковых азбук, обслуживавших нужды «грамотного учения»,⁹² анализируемый акростих, доведенный лишь до буквы «щ», не образует полного алфавитного ряда. Значительная часть его предположений, за исключением строк, восходящих к «Азбуке о Христе» и «Азбуке об Адаме», не воспроизводит полных названий букв по примеру этих произведений, а лишь начинается с соответствующих букв алфавита. Отмеченные особенности указывают на сравнительно позднее происхождение акростиха, напечатанного Иваном Федоровым. Последнее заключение подтверждается и тем фактом, что это произведение сохранилось в составе многих последующих старопечатных⁹³ и рукописных⁹⁴ памятников, но совсем неизвестно в списках XV или даже XVI в. Поэтому вполне вероятно, что анализируемый акростих был специально составлен для Азбуки Ивана Федорова и лишь в дальнейшем из печатных учебников проник в рукописную литературу.

Вторая часть учебника, следующая за элементарными упражнениями, включает более сложные тексты для чтения, расположенные в порядке нарастающей трудности. Эта своеобразная хрестоматия открывается простейшими молитвами, усвоение которых составляло в то время неизбежное начало всякого образования. Далее следуют более обширные выдержки из часовника и, наконец, наставления, касающиеся вопросов воспитания, образования, и другие сентенции религиозно-нравственного характера, заимствованные из ветхозаветной части Библии и Апостола.

Молитвы в Азбуке Ивана Федорова (стр. 49—68)⁹⁵ большей частью приведены в том составе и такой же последовательности, как они даны на первых страницах славянских первопечатных часовников. Но все же учебник допускает в этом отношении некоторые отступления. Раздел молитв открывается в нем двумя церковными зачалами: «За молитв святых отец...» и «Слава тебе...», тогда как все известные нам первопечатные часовники московской и юго-западнорусской печати не имеют в своем начале ни одного из этих текстов.⁹⁶ Первый из них, приведенный в других разделах доступных нам восточно- и южнославянских старопечатных часовников, представляет лексические отличия от редакции, выбранной составителем Азбуки. Сравни: Азбука — «За молитв святых отец наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь»;⁹⁷ краковский Часослов 1491 г. — «За молитв святых отец наших, господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас»;⁹⁸ венецианский Часовник 1569 г. — «За молитв святых отец наших, господи Иисусе Христе, боже наш...»;⁹⁹ Часовник, напечатанный Иваном Федоровым в 1570 г. в Заблудове: «За молитву святых отец наших, господи Иисусе Христе, боже наш...»¹⁰⁰ и др.

⁹⁰ Там же, стр. 249—250, 253—254.

⁹¹ См. стр. 211 настоящей статьи.

⁹² См., например, раннюю редакцию «Азбуки об Адаме» [ГПБ, Q.I.1130, лл. 294, 295 (XV в.)].

⁹³ См., например: Азбука В. Бурцова, М., 1634, лл. 35—37.

⁹⁴ ГБЛ, Муз. собр., № 47 (Азбука — пропись, XVII в.).

⁹⁵ R. Jakobson, фототипии pp. 49—68.

⁹⁶ См., например: Часовник, М., 1565 (ГПБ, 1.5.29, л. 1); Псалтирь следованная. Заблудов, 1570 (ГПБ, 1.5.34, л. 221); Часовник. Вильно, 1596 (ГПБ, 1.7.6, л. 1).

⁹⁷ R. Jakobson, фототипии p. 49.

⁹⁸ Часослов. Краков, 1491 (ГПБ, 1.5.1д, л. 16 об.).

⁹⁹ Псалтирь следованная. Венеция, 1569 [ГПБ, 1.5.32, л. 5 (тетр. G. G.)].

¹⁰⁰ Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л. 228.

Происхождение этого церковного зачала в учебнике Ивана Федорова обычно любопытно, так как словами «За молитв святых отец...» обычно начинаются связанные тексты почти во всех наших азбуках XVI—начала XVII в.,¹⁰¹ а также в азбуках-прописях, сохранившихся в списках XVII столетия.¹⁰² Рассматриваемый текст, явившийся, по-видимому, в свое время необходимым атрибутом южнославянской и русской педагогики, рекомендован в качестве учебного упражнения для детей в «Книге Константина Философа». Однако же и в этом раннем памятнике, опубликованном Ягичем по болгарскому списку XV в., зачалю «За молитв святых отец...»¹⁰³ приведено в формулировке, принятой вышеуказанными первопечатными часовниками.¹⁰⁴

Редакция, выбранная составителем львовской Азбуки, характерная также и для последующих наших старопечатных учебников грамоты,¹⁰⁵ восходит к часовникам, известным в настоящее время в русских списках XV в. Среди этих памятников могут быть указаны часовники, открывающиеся зачалами «За молитв святых отец...» и «Слава тебе...», приведенными в той самой формулировке, которая была принята учебником Ивана Федорова.¹⁰⁶ Таким образом, отступление первопечатной Азбуки от редакции современных ей печатных часовников оказывается увязанным со старинными традициями славянской педагогики и русской рукописной литературой XV в.

Последующие тексты анализируемого раздела (стр. 49—52)¹⁰⁷ без всяких отступлений и перестановок повторяют содержание начальных страниц русских первопечатных часовников. За ними следуют более обширные выдержки (стр. 52—68),¹⁰⁸ такие, как «Символ веры», молитвы Василия Великого и царя Манасия и некоторые другие, также заимствованные из часовника, но взятые из различных его разделов по выбору и приведенные в учебнике в несколько иной последовательности. За исключением зачала «За молитв святых отец...», все вышеупомянутые молитвы в редакционном отношении прямо и непосредственно восходят к Часовнику, напечатанному Иваном Федоровым в Заблудове в 1570 г. вместе с Псалтирью следованной. Заблудовский Часовник в свою очередь с небольшими отступлениями повторяет московское издание 1565 г. Приведем несколько примеров:

Азбука	Заблудовский Часовник	Московский Часовник
хлеб наш насущный, дай же нам днесь... ¹⁰⁹	хлеб наш насущный дай же нам днесь ¹¹⁰	хлеб наш насущный даждь нам днесь ¹¹¹
съгрешения наша вол- ная и неволная, яже в сло- ве и в деле, в ведении и не в ведении, яже в уме и в помышлении вся ми про- сти... ¹¹²	согрешения наша вол- ная и неволная, яже в сло- ве и в деле, в ведении и не в ведении, яже во уме и в помышлении, вся ми про- сти ¹¹³	согрешения наша вол- ная и неволная, яже в сло- ве и в деле, и яже в ведении и не в ведении, и яже во уме и в помышлении, яже во дни и в ночи, вся ми прости ¹¹⁴

¹⁰¹ См. например, Азбука В Бурцова, л 38

¹⁰² ГБЛ, Муз собр., № 872

¹⁰³ И В Ягич, стр. 435.

¹⁰⁴ См. стр. 219 настоящей статьи.

¹⁰⁵ См., например: Азбука В Бурцова, л. 38

¹⁰⁶ См., например: Псалтирь следованная [ГПБ, F 1 110, л 97 (XV в.)¹

¹⁰⁷ R. Jakobson, фототипии pp 49—52.

¹⁰⁸ Там же, фототипии pp. 52—68.

¹⁰⁹ Там же, фототипия р 51

¹¹⁰ Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л 221

¹¹¹ Часовник. М., 1565, л. 2.

¹¹² R. Jakobson, фототипии pp. 55—56

¹¹³ Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л 221

¹¹⁴ Часовник М 1565, л 4 (8-й тетради)

Последующие 10 страниц Азбуки (стр. 69—78)¹¹⁵ отведены поучениям, часть которых непосредственно адресована детям, другая же предназначалась для родителей и воспитателей. Здесь представлены выдержки из Книги притчей Соломона и «Посланий апостола Павла». Раздел начинается двумя короткими отрывками из 22-й притчи. Увещание к детям о внимании, необходимости учения сменяется сентенцией нравственного характера: «Не сотвори насилия убогому...»,¹¹⁶ — которая тематически объединяется с аналогичным поучением из притчи 23: «Не дотыкайся межей чужих...».¹¹⁷ Следующие выдержки из 23-й и 24-й притчей возвращаются к первой теме и еще раз напоминают детям о внимании, послушании, а также о почитании родителей.¹¹⁸ Все перечисленные тексты, снабженные ссылками на 22-ю, 23-ю и 24-ю главы из Книги притчей Соломона, действительно восходят к этим источникам.¹¹⁹ Исчерпав увещания к детям, учебник переходит к поучениям о воспитании, которые в Библии рассеяны в виде коротких фраз на протяжении нескольких глав Книги притчей. Библейским выдержкам предшествует обращение: «К вам же отцы и учителя тако глаголет»,¹²⁰ — которого мы не смогли отыскать в церковных книгах; по-видимому, оно исходит от составителей учебника.

Текст, помещенный под таким заглавием, является результатом сложной композиции разрозненных библейских выдержек. Поучения к родителям изложены в форме связного, стройного, логически законченного наставления, между тем как здесь буквально каждое предложение, а иногда и отдельные его части восходят к различным главам из Книги притчей. Так, в первой фразе, адресованной родителям, — «Не отмай от детища твоего казни, безумие бо есть привязано в сердца отрочате, жезлом же наказания изжиши его»¹²¹ — объединились выдержки из 23-й и 22-й притчей. Притча 23: «Не отрей младенца наказовати...»,¹²² «Не отнимай от дитя твоего казни...»;¹²³ притча 22: «Невежеством възгорится сердце юнаго, жезл и наказание далече от него...»,¹²⁴ «Безумие привязано есть в сердца детища, и дубець казни изженить е...».¹²⁵

Далее следует целое предложение, заимствованное из 29-й притчи: Азбука — «Детищу, иже дают волю его, напоследок посрамотит матерь свою»;¹²⁶ притча 29 — «Дитя, ему же допущают воли его, посрамотит потом матерь свою».¹²⁷ Последующий текст учебника¹²⁸ снова восходит к 23-й,¹²⁹ а затем к 29-й¹³⁰ притчам.

¹¹⁵ R. Jakobson, фототипии pp. 69—78.

¹¹⁶ Там же, фототипия р. 69.

¹¹⁷ Там же, фототипия р. 70.

¹¹⁸ Там же, фототипии pp. 70—72.

¹¹⁹ См., например: Библия. Острог, 1581 [ГПБ, 1.2.2 (далее: Острожская библия), ал. 37—38 (III счета)].

¹²⁰ R. Jakobson, фототипия р. 72.

¹²¹ Там же, фототипии pp. 72—73.

¹²² Острожская библия, л. 37 об. (III счета).

¹²³ Библия Франциска Скорины. Прага, 1517—1519 [ГПБ, 1.5.4/3 (далее: Библия Скорины), Притчи Соломона, л. 35 об.].

¹²⁴ Острожская библия, л. 37 (III счета).

¹²⁵ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 34.

¹²⁶ R. Jakobson, фототипия р. 73.

¹²⁷ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 44.

¹²⁸ R. Jakobson, фототипии pp. 73, 74 (первая верхняя строка).

¹²⁹ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 35 об.; Острожская библия, л. 37 об. (III счета).

¹³⁰ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 44; Острожская библия, л. 40 (III счета).

Выдержкам из Апостола¹³¹ также предшествует вводная фраза: «Тем же и апостол сице глаголет».¹³² После нее с соответствующей ссылкой приведен отрывок из «Послания апостола Павла к ефесиянам» — зачало 232.¹³³ Поучение о почитании родителей сочетается здесь с указанием для отцов, которое в тексте церковной книги укладывается в одно небольшое предложение: «Отцы, неразъдражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении господни».¹³⁴ В редакции Азбуки к этому добавлено еще несколько слов: «... в страхе божии, в милости, в благоразумии...».¹³⁵ Следующая часть этого предложения — «... в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга...»¹³⁶ — и дальнейшее продолжение сентенции¹³⁷ взяты из «Послания к колоссянам» — зачало 258. Сравни: «Облеетесь убо яко же избранныи богу, святи и възлюблени... в смиренномудрии, кротость и долготерпение, приемлюще друг друга...» и т. д.¹³⁸

Благодаря умелому объединению двух различных по тематике выдержек отрывок из «Послания к колоссянам», имеющий самое отдаленное отношение к вопросам воспитания, в учебнике принял вид наставления для родителей. Далее (стр. 76—78)¹³⁹ приведена часть «Послания к солунянам», помеченная в Апостоле «зачалом 273».¹⁴⁰ Текст открывается обращением: «Молю ж вы, братие, наказуйте безумныя...»,¹⁴¹ — которое, по-видимому, должно было поднимать авторитет воспитания и воспитателей. Такое начало в какой-то мере связывает эту довольно пространный сентенцию нравственно-религиозного содержания с предыдущими наставлениями для отцов. Нельзя не заметить, что по сравнению с текстами, восходящими к ветхозаветной части Библии, выдержки из Апостола вошли в Азбуку в виде более крупных, тематически законченных отрезков, содержание которых большей частью не имеет прямого отношения к теме воспитания детей. Связи их с окружающим контекстом выражены гораздо слабее, если не достигаются путем перефразировки церковного текста. Любопытен и тот факт, что в отличие от ветхозаветных выдержек, проповедующих суровое обращение с детьми, из апостольских посланий, как бы в противовес, специально подобраны такие цитаты, где на первый план выдвигается гуманистическая сторона христианства, вследствие чего апостольские тексты, как уже было отмечено предыдущими исследователями,¹⁴² рекомендуют мягкие и кроткие методы воспитания. Таким образом, можно заключить, что поучения, приведенные в Азбуке, распадаются на две части, которые характеризуются неодинаковой манерой использования библейских текстов и отражают различные взгляды на характер воспитания детей.

Попытаемся решить вопрос о происхождении этого раздела учебника. В существующей литературе¹⁴³ уже были отмечены редакционные расхождения, которые отличают библейские выдержки, приведенные в Азбуке,

¹³¹ R. Jakobson, фототипия pp. 74—77.

¹³² Там же, фототипия p. 74.

¹³³ R. Jakobson, фототипия p. 74; Львовский Апостол, л. 164 об.

¹³⁴ R. Jakobson, фототипия p. 74; Львовский Апостол, л. 164 об.

¹³⁵ R. Jakobson, фототипия p. 74.

¹³⁶ Там же, фототипия pp. 74—75.

¹³⁷ Там же, фототипия pp. 75—76.

¹³⁸ Львовский Апостол, л. 177.

¹³⁹ R. Jakobson, фототипия pp. 76—78.

¹⁴⁰ См., например, Львовский Апостол, лл. 284 об.—285.

¹⁴¹ R. Jakobson, фототипия p. 76.

¹⁴² М. Н. Тихомиров. Первый русский букварь. — Новый мир. М., 1956, № 5, стр. 269, 270.

¹⁴³ R. Jakobson, pp. 25, 26.

от соответствующих текстов Библии¹⁴⁴ и Апостола,¹⁴⁵ напечатанных Иваном Федоровым. Помимо изданий Ивана Федорова, к данному исследованию был привлечен еще ряд старинных рукописных и первопечатных памятников, предшествовавших в своем появлении Азбуке 1574 г. Из ранних библий, известных в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, в нашем распоряжении оказались отдельные книги Ветхого завета в списках XIV—XV вв.,¹⁴⁶ Библия Геннадиевой редакции конца XV в., сохранившаяся в рукописи 1558 г.,¹⁴⁷ и «Библия руска», изданная в 1517—1519 гг. Франциском Скориной.¹⁴⁸ Сопоставляя эти источники, можно заключить, что русские рукописные библии XV—XVI вв. и близкое к ним острожское издание 1581 г. не имеют между собой таких серьезных редакционных расхождений, которыми отличаются от них ветхозаветные тексты, вошедшие в Азбуку. Библия Франциска Скорины, исправленная по чешскому изданию 1500 г., как известно, характеризуется своеобразным изложением библейских сюжетов и лексическими особенностями, характерными для белорусского языка.¹⁴⁹ При сопоставлении библейских притчей из Азбуки Ивана Федорова с соответствующими текстами «Библии русской» обнаруживается совпадение фразеологических оборотов, характерных для редакции обоих памятников. Тем не менее полного редакционного гождества не наблюдается. Приведем по две цитаты из первопечатной Азбуки, Библии Франциска Скорины и рукописной Библии Геннадиевой редакции:

Азбука

Библия Скорины

Рукописная Библия

Сыну мой, приклони ухо твое и послушай словес мудрых и приложи сердце твое к научению моему, понеже украсит тебе...¹⁵⁰

Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступуй, понеже мьститель их силен есть, иже судити будет противу тебе кривду их.¹⁵³

Сыну мой, приклони ухо твое и послушай словес мудрых людей, и приложи сердце к научению моему, понеже украсит тебе...¹⁵¹

Не дотыкайся межей малых и на поле сиротков не вступуй: понеже ближний их силен ест, и он судити будет противу тебе прю их.¹⁵⁴

К словесем мудрых прилагай свое ухо и услышиши моя словеса. Свое же сердце постави к ним да разумеши яко добра сут...¹⁵²

Не прелагай предел вечных, во стяжение сиротам не вниди, избавляя их господь крепок есть и разсудит суд им с тобою.¹⁵⁵

Как видно из примеров, между текстами сопоставляемых печатных памятников существует не только заметное сходство, но и определенные лексические расхождения. К этому нужно заметить, что Франциск Скорина не случайно обратился к чешской Библии. Переводы библейских книг с чешского языка получили распространение в Юго-Западной Руси XV и первой половины XVI в. и лишь во второй половине XVI в. были вытеснены московской Геннадиевой Библией.¹⁵⁶ Не познакомившись с редак-

¹⁴⁴ Острожская библия, лл. 37—38 (III счета).

¹⁴⁵ Львовский Апостол, лл. 164, 177, 184, 185.

¹⁴⁶ ГПБ, F.I.461, лл. 356, 357.

¹⁴⁷ ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, лл. 485, 486.

¹⁴⁸ Библия Скорины, Притчи Соломона, лл. 34, 35.

¹⁴⁹ О Библии Франциска Скорины см.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888 (далее: П. В. Владимиров), стр. 37, 48, 86, 165.

¹⁵⁰ R. Jakobson, фототипия р. 69.

¹⁵¹ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 34.

¹⁵² ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, л. 485.

¹⁵³ R. Jakobson, фототипия р. 70.

¹⁵⁴ Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 35 об.

¹⁵⁵ ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, л. 486.

¹⁵⁶ П. В. Владимиров, стр. 37, 41.

циями западнославянских первопечатных библий, нельзя утверждать, что в Азбуке Ивана Федорова отразились редакционные особенности «Библии русской», а не какого-нибудь аналогичного труда, также связанного с чешскими источниками. Но совершенно очевидно, что притчи, приведенные в учебнике, восходят не к Геннадиевой редакции, наиболее авторитетной для восточных славян в эпоху возникновения первопечатной Азбуки, а к библейским переводам, пользовавшимся правом гражданства в Юго-Западной Руси XV и первой половины XVI в.

К исследованию выдержек из апостольских посланий привлечено довольно большое количество источников, начиная от так называемого Слепченского Апостола, опубликованного ныне по южнославянской рукописи XII в.,¹⁵⁷ и кончая изданиями Ивана Федорова. Прделанные разыскания позволяют заключить, что исследуемые тексты учебника, безусловно, имеют определенные отличия от той редакции, которая была принята для Апостола, напечатанного Иваном Федоровым в 1564 г. в Москве,¹⁵⁸ а также для издания, выпущенного им во Львове,¹⁵⁹ и на несколько месяцев раньше Азбуки. Более ранние южнославянские издания,¹⁶⁰ а также близкие к ним в редакционном отношении русские рукописные памятники XIV в.¹⁶¹ еще более далеки от источника, использованного составителем Азбуки. Такую же далекую редакцию представляет по отношению к текстам учебника Апостол, изданный Франциском Скориной в 1525 г.¹⁶² Фразеологические и лексические особенности исследуемых текстов Азбуки более всего приближаются к той русской редакции, которая непосредственно предшествовала московскому первопечатному Апостолу 1564 г., но еще не приняла «исправлений», внесенных в церковный текст в связи с этим изданием. Такую редакцию донесли до нас русские рукописные памятники XV¹⁶³ и первой половины XVI в.¹⁶⁴

Для примера приведем по две аналогичных выдержки из Азбуки Ивана Федорова, львовского Апостола и одного русского рукописного памятника более ранней, «дофедоровской» редакции:

Азбука

Апостол 1574 г.

Апостол XV в.

Аще кто к кому поречение имать, яко же Исус Христос дарова нам, тако и вы. Надо всеми ж сими любовь, яже есть съюз съвершению, и мир божий да разделяется в сердцых ваших...¹⁶⁵

Аще кто на кого имать поречение, яко же Исус Христос угодил есть вам, тако же и вы. Надо всеми ж сими любовь, яже есть съюз съвершеньства, и мир божий да вьдваряется в сердцых ваших...¹⁶⁶

Аще кто к кому имать поречение, яко же Исус Христос дарова нам, тако и вы. Над всеми ж сими любовь, яж есть съюз съвершению, и мир божий да разделяется в сердцых ваших...¹⁶⁷

¹⁵⁷ Г. А. Ильинский. Слепченский апостол XII в. М., 1913, стр. 53, 74, 75, 78.

¹⁵⁸ ГПБ, I.1.17, лл. 164, 177, 284, 285.

¹⁵⁹ Львовский Апостол, лл. 164, 177, 284, 285.

¹⁶⁰ Апостол. Терговище, 1547 (ГПБ, I.5.15, л. 195).

¹⁶¹ См., например: Апостол. Новгород, 1391 (ГПБ, собр. Погодина, № 26, лл. 113, 169); Апостол XIV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 27, лл. 83, 88).

¹⁶² Апостол. Вильно, 1525 (ГПБ, I.5.7), л. 135 (II счета).

¹⁶³ ГПБ, Q.I.947, лл. 224, 240, 249 (Апостол XV в.).

¹⁶⁴ ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, лл. 933, 938, 941 (Библия 1558 г.)

¹⁶⁵ R. Jakobson, фототипия р. 75.

¹⁶⁶ Львовский Апостол, л. 177.

¹⁶⁷ ГПБ, Q.I.947, л. 240.

Молю ж вы, братие, нака-
зуйте безумных, утешайте
малодушных, носите не-
мощных, долготерпите
в всех, блюдете да некто зла
за зло кому въздаст, но
всегда благое гоните и к друг
другу, и к всем...¹⁶⁸

Молим же вы, братие,
вразумляйте бесчинных, утешайте
малодушных, заступайте
неможных, долготерпите
к всем, блюдите да
никто же зла за зло кому
въздаст, но всегда добрая
мыслите друг к другу и
к всем...¹⁶⁹

Молимь же вы, братие,
наказуйте безумных, утешайте
малодушных, носите
неможных, долготерпите в
всех, блюдете да некто зла
за зло кому въздаст, но
всегда благое гоните и друг
друга, и ко всем...¹⁷⁰

Результаты проделанных текстологических сопоставлений свидетельствуют о сравнительно раннем происхождении церковных книг, послуживших первоисточниками для учебника Ивана Федорова. Значительное место среди них занимали рукописные книги XV и первой половины XVI в., несколько устаревшие ко времени появления первопечатной Азбуки. Зная, с какой высокой требовательностью относился великий мастер книги к выпускаемым им изданиям, такую особенность учебника можно объяснить лишь тем обстоятельством, что значительная часть его текстов была заимствована не прямо из церковных книг, а через посредство каких-то других памятников, так или иначе связанных с вопросами начального образования и воспитания в Московской и Юго-Западной Руси. В подтверждение такой точки зрения можно сослаться на отдельные произведения древней литературы, хотя бы отчасти использующие те же выдержки из церковных книг, что и первопечатная Азбука. Так, первые девять молитв, составляющие начало второй части анализируемого учебника¹⁷¹ (за исключением зачала «Слава тебе...»), в такой же последовательности приведены в «Книге Константина Философа».¹⁷² Редакционные расхождения между аналогичными текстами этих двух памятников не позволяют нам сослаться с предшествующими исследователями в том, что между «Книгой Константина Философа» и Азбукой Ивана Федорова существовала непосредственная преемственность.¹⁷³ Но, как было отмечено выше,¹⁷⁴ своеобразное начало второй части учебника, открывающееся текстом «За молитв святых отец...», не соответствует редакции первопечатных часовников, а, по видимому, было обусловлено теми общими традициями, которые господствовали как в южнославянской, так и в русской древней педагогике. Рассмотренные выше библейские цитаты также имеют место в некоторых памятниках древней русской литературы. Примером аналогичного подбора выдержек из Ветхого завета может служить Домострой¹⁷⁵ или еще более ранний русский рукописный сборник Измарагд.¹⁷⁶ Отдельные главы этих памятников, развивающие тему взаимоотношений между родителями и детьми, базируются на тех же положениях из Книги притчей Соломона, которые вошли в состав Азбуки Ивана Федорова. В отличие от редакции учебника, в Домострое, как и в Измарагде, этот материал изложен в несколько иной манере, допускающей более свободное обращение с церковными текстами. Но наличие нескольких самостоятельных случаев использования одних и тех же выдержек из ветхозаветной части Библии заставляет думать, что

¹⁶⁸ R. Jakobson, фототипии pp. 76, 77.

¹⁶⁹ Львовский Апостол, л. 184 об.

¹⁷⁰ ГПБ, Q.I.947, л. 249.

¹⁷¹ R. Jakobson, фототипии pp. 49—52.

¹⁷² И. В. Ягич, стр. 435, 438, 440, 441, 442, 505.

¹⁷³ Т. А. Быкова, стр. 471.

¹⁷⁴ См. стр. 219—220 настоящей статьи.

¹⁷⁵ А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. М., 1908 (далее: Домострой), стр. 13, 16.

¹⁷⁶ Н. А. Лавровский и. Памятники старинного русского воспитания. — ЧОИДР, кн. 3, отд. 3, 1861 (далее: Н. А. Лавровский), стр. 3—12.

наставления по вопросам воспитания, составленные таким образом, не представляли редкого явления в нашей древней литературе. Не исключена также возможность, что этот материал в какой-то мере входил в состав более ранних рукописных учебников грамоты, так как сентенции религиозно-нравственного характера, заимствованные из различных церковных книг, занимают большое место в азбуках-прописях, известных в настоящее время по спискам XVII в.¹⁷⁷ Но, в отличие от редакции первопечатного учебника, между отдельными сентенциями, приведенными в азбуках-прописях, как правило, отсутствует всякая логическая связь. Манера использования библейских выдержек, усвоенная печатной Азбукой, восходит к литературным произведениям другого вида — к наставлениям педагогического характера, изложенным в связной, логической форме. Ради этой связности изложения составитель Азбуки сохранил несколько устаревшую редакцию ветхозаветных и апостольских текстов, так как, отредактировав их заново по Геннадиевой Библии и печатному Апостолу, он был бы вынужден разрушить всю кропотливую мозаичную работу предыдущих компиляторов, авторов наставлений. Этого не случилось, так как для содержания учебника в данном случае была важна дидактическая сторона использованных текстов, а не их отношение к редакции богослужбных книг того времени. Конструкция последнего раздела Азбуки позволяет предположить, что для него было использовано не одно, а во всяком случае не менее двух старинных руководств по вопросам воспитания, связанных с литературными традициями Московской и Юго-Западной Руси. Редакторская работа над данным разделом учебника должна была заключаться прежде всего в определенном отборе материала. В этом отношении обращает на себя внимание тематика сентенций религиозно-нравственного содержания, вошедших в Азбуку. Замечательно, что из всех приведенных здесь выдержек из Ветхого завета всего лишь две сентенции — «Не сотвори насилия убогому...» и «Не дотыкайся межей чужих...»¹⁷⁸ — не имеют никакого отношения к специальным педагогическим темам. И обе они наполнены совершенно одинаковым смыслом, направленным против злоупотреблений со стороны «сильных мира сего». Такие устремления как нельзя лучше подходили для той социальной среды и политической обстановки, которые вызвали к жизни издание Азбуки. Поэтому наличие вышеупомянутых текстов в учебнике Ивана Федорова представляется нам результатом сознательного выбора, в котором прежде всего отражены взгляды составителя Азбуки. Гуманистическая направленность, имеющая место в книге, проявилась также и в подборе наставлений для родителей. Как было отмечено выше,¹⁷⁹ тексты апостольских посланий, включенные в учебник, в противовес ветхозаветным выдержкам рекомендуют воспитание в духе христианской кротости и милосердия. К этому нужно добавить, что представленные здесь цитаты из Ветхого завета хотя и проповедают необходимость телесных наказаний для детей, однако же не содержат тех указаний на жестокие исправительные меры, связанные с «укашением ран» и «сокрушением ребер», которыми богаты отдельные главы Измарагда¹⁸⁰ и даже Домостроя,¹⁸¹ прошедшего редакцию середины XVI в. Таким образом, педагогические наставления первопечатной Азбуки отражают те изменения общественно-бытовых нравов, которые на

¹⁷⁷ БАН, 26.5.380 (1624 г.).

¹⁷⁸ R. Jakobson, фототипии pp. 69, 70.

¹⁷⁹ См. стр. 222 настоящей статьи.

¹⁸⁰ Н. А. Лавровский, стр. 5.

¹⁸¹ Домострой, стр. 15.

исходе XVI столетия не могли не повлиять на характер русской педагогики, все еще хранившей средневековые устои.

В результате проделанного исследования можно заключить, что Азбука Ивана Федорова построена главным образом на материале педагогических и грамматических статей, сохранившихся до нашего времени в русских списках конца XVI и XVII столетия, а также неизвестных ныне наставлений по вопросам воспитания, восходивших к церковным книгам XV и первой половины XVI в. Превосходное знание практических приемов «грамотного учения» с его старинными традиционными особенностями указывает на предварительное знакомство составителя Азбуки с более ранними рукописными учебниками русской грамоты, предшествовавшими изданию 1574 г. Нельзя не отметить, что содержание и построение анализируемой книги во многом определялось теми требованиями средневековой педагогики, которые в XVI столетии еще продолжали господствовать не только в русских училищах, но и в школах Западной Европы. Так, например, немецкие элементарные учебники XVI в., наиболее известные в специальной литературе под названием «ABC-Buch»¹⁸² или «Abecedarium»,¹⁸³ как и русская первопечатная Азбука, открываются простым алфавитным рядом, включают упомянутые выше двухбуквенные и трехбуквенные слоги, а далее переходят к упражнениям в чтении отдельных слов¹⁸⁴ и связных текстов, представленных теми же простейшими молитвами, которые отчасти вошли в состав Азбуки Ивана Федорова.¹⁸⁵ Однако же старопечатные немецкие «ABC-Buch» и «Abecedarium», судя по существующей о них литературе, не знали разделов, содержащих элементы грамматики, не включали никаких других связных текстов для чтения, кроме молитв и катехизиса.¹⁸⁶ Для многих текстов, приведенных в составе Азбуки (таких, как упражнения в чтении отдельных слов, построенные на грамматическом материале, азбучный акростих, сентенции педагогического и нравственного характера), содержание западноевропейских учебников не представляет никакой аналогии. Эти разделы первопечатной Азбуки, взятые вместе и каждый в отдельности, не восходят и к какому-нибудь одному известному ныне памятнику русской литературы, а, как показали проделанные нами разыскания, являются результатом творческого использования довольно многочисленных и разнообразных источников великорусского и юго-западнорусского происхождения. Обращает внимание тот факт, что, включая в свой состав отдельные тексты, обслуживавшие нужды русского просвещения в XIV—XV вв., Азбука 1574 г. тем не менее следует указаниям современных ей педагогических статей, оставив в стороне более ранние руководства, вроде «Книги Константина Философа». На связь с литературой, современной изданию, указывают текстологические особенности помещенных в нем молитв, отредактированных по заблудовскому Часовнику 1570 г. О новаторстве первопечатной Азбуки свидетельствует также примененный ею способ обучения цифровой нумерации.¹⁸⁷

На основании всего изложенного можно заключить, что львовская Азбука 1574 г. внесла существенные изменения в содержание использованных ею рукописных учебников русской грамоты, среди которых, судя по редакции некоторых рассмотренных выше текстов, имели место памятники,

¹⁸² См., например: *Lexikon des gesamten Buchweisens*, Bd. I. Leipzig, 1935, стр. 4.

¹⁸³ Там же, стр. 5.

¹⁸⁴ Paul Hennig. *Alte Fibeln.* — *Zeitschrift für Bücherfreunde*. Bielefeld und Leipzig, 1908, № 12 (далее: Paul Hennig), стр. 6, 7.

¹⁸⁵ См., например: *ABC-Buch*. Lubek, 1565 (ГПБ, О.3572), стр. 4—7.

¹⁸⁶ Paul Hennig, стр. 6—9.

¹⁸⁷ См. стр. 212 настоящей статьи.

тесно связанные с литературными традициями прошлого столетия. Очевидно также, что к указаниям педагогических статей, современных той эпохе, составитель первопечатной Азбуки относился с известным критическим разбором. Так, из четырех азбучных таблиц, рекомендованных русской педагогической литературой конца XVI и XVII в., в анализируемый учебник вошли три. Еще более экономно использована в нем система слогов,¹⁸⁸ что составляет одно из отличий первопечатной Азбуки от наиболее ранних из известных ныне рукописных учебников русской грамоты.¹⁸⁹

Состав установленных источников и творческий характер их использования первопечатной Азбукой позволяют считать учебник Ивана Федорова оригинальным памятником, отражающим достижения русской педагогики второй половины XVI в. Составителем этого замечательного учебного пособия, судя по формулировке послесловия, явился его издатель, русский печатник Иван Федоров, оказавшийся не только талантливым мастером книги, но и просветителем-педагогом. Нельзя не согласиться с существующим общим мнением о том, что такие выражения печатника, как «сия еже писахъ вам» и «въмале съкратив сложихъ»,¹⁹⁰ указывают на его активное отношение к содержанию издания.

Учебник Ивана Федорова, по-видимому, был составлен во время пребывания печатника во Львове, в 1572—1574 гг. Во всяком случае, окончательная редакционная работа над книгой не могла быть завершена ранее 1570 г., так как один из разделов Азбуки отредактирован по заблудовскому Часовнику.¹⁹¹ Общий характер содержания издания позволяет поставить его в связь с мероприятиями юго-западнорусских братств, с которыми Иван Федоров всего теснее соприкасался в львовский период своей деятельности. Как уже было отмечено в литературе,¹⁹² издание учебника русской грамоты во Львове в 1574 г. имело исключительно актуальное общественно-политическое значение, ибо распространение литературного русско-славянского языка в условиях Юго-Западной Руси конца XVI в. являлось одной из форм борьбы за самобытное развитие украинской и белорусской культуры. Нужно думать, что наш выдающийся мастер книги, посвятивший всю жизнь распространению печатного слова, сознательно внес свою лепту в дело русско-славянского просвещения и развития культурных связей между Юго-Западной и Северо-Восточной Русью. Именно поэтому Азбуку, изданную на Украине, Иван Федоров до предела насытил грамматическими формами русского книжного языка и посвятил всему «народу греческаго закона». Такое обращение, подчеркивающее родственную близость всех восточнославянских народов, не только отвечало интересам поработанных украинцев и белоруссов, но и поднимало в их глазах авторитет Русского государства, которому замечательный патриот продолжал служить и в изгнании.

В рамках данной статьи нельзя дать окончательной оценки новооткрытому изданию Ивана Федорова, так как она возможна лишь на фоне изучения истории русской и украинской школы. Но и в результате проделанного исследования очевидно, что составитель первопечатной Азбуки был передовым человеком своей эпохи и талантливым русским педагогом, ко-

¹⁸⁸ См. стр. 211 настоящей статьи.

¹⁸⁹ См., например: ГБЛ, собр. Фунд., № 35, л. 234; БАН, Архангельское собр., № 4, лл. 8—11.

¹⁹⁰ R. Jakobson, фототипия р. 78.

¹⁹¹ См. стр. 220 настоящей статьи.

¹⁹² В. С. Люблинский, стр. 464.

торый, опираясь на традиционную методику «грамотного учения», использовал ее лучшие, рационалистические стороны. Убежденный просветитель, энтузиаст своего дела, он отразил в учебнике последние достижения современной ему русской педагогической мысли, дополнив их некоторыми оригинальными приемами и новым методическим материалом в соответствии с требованиями обстановки издания. Дополнения, внесенные Иваном Федоровым в элементарный учебник, были направлены на ускорение и облегчение процесса обучения русской грамоте и русскому языку. В содержании некоторых использованных им учебных текстов отражена гуманистическая точка зрения на характер воспитания детей. Такие тенденции первопечатной Азбуки, несомненно, были прогрессивным и актуальным явлением для своего времени. Размноженный печатным способом, учебник Ивана Федорова явился выдающимся событием в истории русского и украинского просвещения.
